

присягнул в таких выражениях: «Я, король французов, клянусь употребить власть, предоставленную мне актом государственной конституции, на то, чтобы сохранить конституцию, декретированную Собранием и принятую мной». А это уже означало, что он бы не прочь уважать конституцию, но что она *будет* нарушена и он не в силах будет этому помешать. В действительности же в то самое время, когда король приносил свою присягу, он думал только о том, как бы выехать из Парижа под предлогом смотров войскам и выступить, как Карл I в Англии, против Собрания. Он соображал, как подкупить влиятельных членов Собрания и рассчитывал на помощь из-за границы, чтобы остановить революцию, которую сам же вызвал своим сопротивлением необходимым преобразованиям и своей лживостью в отношениях к Национальному собранию.

Клятвы имели мало значения. Но что нужно отметить в этом празднестве, кроме провозглашения существования новой *нации*, воодушевленной общим идеалом, - это поразительное добродушие революции. Через год после взятия Бастилии, когда Марат с полным правом писал: «Откуда эта неудержимая радость? С какой стати это глупое ликование? *Революция до сих пор была для народа тяжелым сном*»; в эту минуту, когда еще ничего не было сделано для удовлетворения нужд трудящегося народа и уже делалось все (как мы сейчас увидим) для того, чтобы помешать действительному уничтожению феодальных злоупотреблений; когда народу повсюду приходилось расплачиваться жизнью и страшной нищетой за успехи политической революции, несмотря на все это, народ восторженно приветствовал провозглашавшийся на этом празднестве новый, демократический строй. Подобно тому как 58 лет спустя, в 1848 г., народ отдавал в распоряжение республики «три месяца нищеты», так и теперь он готов был перенести все, лишь бы конституция обещала ему некоторое облегчение, лишь бы она хоть сколько-нибудь постаралась об этом.

Если три года спустя этот самый народ, при всей его готовности довольствоваться малым и ждать, ожесточился и стал истреблять врагов революции, то он дошел до этого, чтобы *спасти хотя частицу революции*, и дошел только тогда, когда увидел, что *революция погибает, не произведя еще никаких существенных для народа экономических перемен*.

В июле 1790 г. ничто еще не предвещало такого мрачного и озлобленного настроения. «Революция была до сих пор для народа лишь тяжелым сном. Она не сдержала своих обещаний. Не беда! Она *все-таки идет вперед - и этого достаточно!*» И народ ликовал повсюду.

Но реакция уже стояла наготове во всеоружии, и через месяц или два она вполне проявила свои силы. К следующей годовщине 14 июля, к 17 июля 1791 г., она была уже настолько сильна, что на том же Марсовом поле велела расстреливать народ.

XXIV ОКРУГА И СЕКЦИИ ПАРИЖА

Мы видели, что революция началась народными восстаниями в первые месяцы 1789 г. Но одних народных восстаний, более или менее успешных, еще мало, чтобы совершить революцию: нужно, чтобы эти восстания оставили в существующих учреждениях нечто новое, что дало бы возможность выработаться и упрочиться новым формам жизни.

Французский народ, по-видимому, отлично понял это и с самых первых волнений внес нечто новое в жизнь страны - народную коммуну, общину. Правительственное сосредоточение власти (централизация) явилось позже; вначале же революция создала коммуну - общину, деревенскую и городскую, и это установление придало ей, как мы сейчас увидим, громадную силу.

Действительно, в деревнях требования отмены феодальных повинностей предъявлялись помещикам общиной крестьян, и община же узаконивала отказ от платежей. Она отбирала от помещиков земли, когда-то бывшие общинными; она сопротивлялась дворянам, боролась с духовенством, защищала «патриотов», т. е. революционеров, а позднее - санкюлотов. Она заарестовывала возвращавшихся эмигрантов, она же задержала убежавшего короля.

В городах граждане, объединившиеся в городскую общину, перестраивали всю общественную жизнь. Коммуна присваивала себе право назначать судей, изменяла по собственному почину распределение налогов, а впоследствии по мере развития революции она становилась орудием в руках санкюлотов (более смелых революционеров) для борьбы с королевской властью, с конспираторами-роялистами и с немецким нашествием. Еще позднее, во II году Республики, некоторые коммуны принялись и за уравнивание состояний.

Известно, наконец, что в Париже именно коммуна, создавшаяся в ночь на 10 августа, и ее секции